

Валерий Ковалев

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

СОЛДАТ УДАЧИ

ПОВЕСТЬ

Валерий Ковалев

Солдат удачи

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Ковалев В. Н.

Солдат удачи / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Воспитанник детского дома Максим Найденов не желает смириться со своей жизнью и активно занимается спортом, мечтая попасть в военное училище. Мечта сбывается, он поступает в Санкт-Петербургский морской корпус. Однако по велению судьбы его исключают, призывают на флот. Максим попадает в школу боевых пловцов и по ее окончании участвует в специальных операциях в Индийском океане и на базе Камрань во Вьетнаме. Находясь в отпуске совершает убийство криминального авторитета. Покинув Россию, участвует в войне на Донбассе, а после становится "солдатом удачи". Новые операции. Друзья и враги. Жизнь, полная опасностей. Содержит нецензурную брань.

Валерий Ковалев

Солдат удачи

*Группа крови – на рукаве,
Мой порядковый номер – на рукаве,
Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне:
Не остаться в этой траве,
Не остаться в этой траве.
Пожелай мне удачи, пожелай мне удачи!*

(Виктор Цой)

Глава 1. Детдом

– Н-на! – выбросил вперед кулак Браток, Максим отлетел в угол умывальника. Кошкой вскочил и молча бросился на противника. Сцепившись, оба покатались по полу.

– Бей найденыша, – прошипел Косой и вместе с Дылдой стал пинать мальчишку ногами. Тот отбивался, пытаясь встать, но силы были неравные.

– Прекратить! – широко распахнулась дверь, на пороге стоял дежурный воспитатель. – В чем дело? – шагнул вперед, обвел всех сонными глазами.

– Да это мы так, немного поиграли, – гадливо улыбаясь, сказал Браток и вместе с приятелями покинул умывальник.

– За что они тебя? – уставился на мальчишку воспитатель

– Немного поиграли, – открыв кран, сунул тот под холодную струю разбитый нос.

– Ладно, умойся и иди спать. Утром будем разбираться.

Максим обождал, пока остановилась кровь, пощупал переносицу (цела). Ополоснул лицо и, завернув кран, пошаркал тапками через коридор в спальню. Там под потолком горел ночной свет, на узких койках, укрывшись одеялами сопели носами воспитанники.

– Мы еще с тобой посчитаемся гад, – пробубнили с крайней у окна.

– Да пошел ты, – взглянул туда Максим и принялся разбирать постель.

Чуть позже он лежал на жестком матрасе, укрывшись до подбородка, глядел в подсвеченный синим потолок и размышлял о своей жизни. Она как говорится, не задалась.

Двухмесячным младенцем его оставили на крыльце одного из Подмосковных роддомов, завернутым в старую тельняшку. Там, после осмотра и установления пола, медперсонал, составив акт, дал подкидышу имя Максим, отчество Николаевич и фамилию Найденов. А еще учинил запись о рождении: 2 мая 1995 год – утро, когда нашли. Потом нового гражданина отправили в дом ребенка, а по исполнении трех лет поместили в Балашихинский детский дом.

Кроме него там воспитывались еще шестьдесят мальчишек и девчонок, лишившихся родителей, в том числе семнадцать сирот. Жизнь у всех была несладкой. Россия лежала в разрухе, на Кавказе шла война, в стране правили бал олигархи и криминал.

Мелюзга всего этого не понимала, а вот старшие ребята вполне. Глядя вечерами телевизионные программы в «красном уголке», где постоянно транслировали сытую жизнь на Западе, да еще бандитские сериалы, мальчишки мечтали стать рэкетирами, а девочки валютными протститутками. Отсюда шли и нравы: сила с деньгами решают все.

Найденов становиться рэкетиром не желал. Его влекло море, почему, не знал. Возможно неизвестный папашка был флотским или что другое. Мелким пацаном любил пускать кораблики в лужах, повзрослев, запоем читал книжки о моряках, имевшиеся в библиотеке.

В детдоме были свои лидеры из старших: пятнадцатилетние Браток с Дылдой и Косой, стоявшие на учете в детской комнате милиции, окружившие себя холуями и третировавшие других.

Они отбирали еду у младших, получали дань от тех, кого навещали родные, заставляли себе прислуживать и всячески издевались. Максим был единственным, кто не подчинился и его «ломали». В этот раз били за то, что дал на ужине Косому в глаз, когда тот плюнул в тарелку Витьке Бугрову.

«Так больше нельзя. Нужно что-то решать» натянул на голову одеяло Макс и погрузился в сон. Прерывистый и тревожный.

Утром после завтрака состоявшего из каши-размазни, черняшки* с кусочком масла и пахнущего рыбьим жиром чая, все участники драки стояли в кабинете директрисы. Это была средних лет фигуристая дама в зарубежных шмотках, с перстнями на пальцах и золотыми серьгами в ушах. Звали Татьяна Александровна.

– Опять ты, Фокин, – уставилась на Братка накрашенными глазами – Что в этот раз не поделили?

– Найденыш на ужине ни за что ударил Косого, – кивнул тот на приятеля. – Ну, мы его того, немного поучили.

– Чтоб я больше не слышала этих блатных кличек! – пошла по лицу красными пятнами директриса. – Здесь тебе не улица. Понятно?!

– Ага, – сделал Браток рожу ящиком.

– Ну, а ты что скажешь Найденов? (перевела взгляд). Государство заботится о вас, кормит, поит, одевает. А вы ведете себя как бандиты.

«Государство кормит, а ты сука все разговарываешь» подумал Макс, но промолчал.

– Значит так, – полюбовалась ярким маникюром на ногтях. – Еще одна такая драка и отправлю в колонию для малолеток. Вы меня знаете. А теперь пошли вон.

Понурясь все вышли из кабинета и разошлись по сторонам.

Чуть позже Максим в кургузом пиджачке и с обтрепанным портфелем в руке топал по Балашихе на занятия. Младших в детдоме обучали приходящие педагоги, а старшие посещали одну из городских школ. Учился он неплохо. Особенно уважал литературу с историей, географию и физкультуру.

Местные ребята относились к детдомовцам свысока, но связываться с ними опасались. Те держались вместе, и всегда давали сдачи.

На занятиях, которые шли до часу дня, Максима мучила ночная мысль, и он принял решение. Каждое утро по дороге в школу проходил мимо панельной девятиэтажки, в подвальном помещении которой располагалась юношеская школа бокса. Об этом гласила вывеска на двери с часами работы.

Подойдя к дому, затененному тополями, под которыми два бомжа на лавке распивали одеколон, он решительно направился к двери. Остановился, в очередной раз, читая вывеску, а затем потянул на себя тугую дверь.

– Бах! – хлопнула позади створка, очутился в длинном, ярко освещенном коридоре. Из его конца доносились глухие удары, пошел на них. Коридор заканчивался обширным помещением, в центре которого высились два помоста с канатами. На одном пара ребят в трусах и майках, молотили друг друга боксерскими перчатками, на соседнем вторая, постарше, делала то же самое.

– Тебе чего пацан? – нарисовался сбоку лет сорока худощавый с коротким ежиком мужик. В тренировочном костюме «адидас» и секундомером на шее.

– Здравствуйте дядя, – шмыгнул распухшим носом Макс. – Можно записаться в секцию?

– Отлупили? – кивнул на нос.

– Ага.

– Бывает. Только обучение у меня платное. Сто баксов в месяц.
– Платное? – удивился мальчишка.
– Ну да. Что, родители не потянут?
– У меня нет родителей, я детдомовский (потупил голову).
– Вон оно что, – оглядел его дешевую курточку и штаны тренер. – Незадача. Макс развернулся, собираясь уходить, но тот остановил, – погоди парень.
– Чего? – угрюмо зыркнул глазами.
– Так и быть. Возьму тебя бесплатно, раз такие дела.
– Seriously?
– Вполне. Но принесешь из детдома справку, что здоров.
– Спасибо, дядя, – сглотнул слюну Макс.
– Только я тебе не дядя, а хозяин клуба и тренер – чуть улыбнулся тот. – Зовут Александр Иванович Рыбаков. Так что давай, топай за справкой, – и обернулся к помостам, – перерыв десять минут!

Назад мальчишка летел, словно на крыльях. Вот и опостылевший сиротский дом.

С высокой металлической оградой по периметру, обшарпанными хозяйственными постройками и запущенным старым парком. Быстро вошел во двор, где играли в классики несколько «малявок», оттуда в подъезд, взбежал по ступеням на второй этаж.

Прошагав коридором с несколькими выходящими туда дверьми остановился у нужной. Постучав костяшками пальцев вошел.

– Тебе чего Найденов? – оторвалась директриса от разговора с завхозом, сидевшим за приставным столом. – Опять что-то натворил?

– Нет, Татьяна Александровна, – сделав два шага вперед, повертел воспитанник головой.

– Тогда что? – колыхнула пышным бюстом.

– Мне нужна справка о здоровье.

– Это еще зачем? – высоко подняла брови.

– Хочу записаться в секцию бокса, сказали принести.

– А больше ты ничего не хочешь?

– Нет. Только справку.

– Если не дам?

– Тогда зарежу Фокина и сбегу, – сжал губы Макс. – Оно вам надо?

Подобное было нежелательно. Тем более месяц назад из дома уже сбежал воспитанник. За это в горно* Татьяне Александровне вlepили строгача, пообещав в случае повторения подобного снять с должности. Оставлять же столь злачное место она не желала. В детдом нередко поступала спонсорская помощь, которую они с завхозом умело похищали, а еще имелся доход от усыновления воспитанников.

Да и этот мальчишка был не подарок. Упрямый, задиристый и непокорный. От такого всего можно было ждать

– Хорошо, Найденов, – переглянулась с коллегой. – Иди в медпункт. Я позвоню Надежде Осиповне.

Надежда Осиповна Розенталь была детдомовской медсестрой, работавшей в нем полтора десятка лет. В отличие от остального персонала она участливо относилась к воспитанникам, видя в них не досадную обузу, а жертвы социальной несправедливости.

Спустя пять минут Макс сидел на стуле в ее кабинете этажом выше, с белой кушеткой, медицинскими весами и цветущей геранью на окне.

– А что у тебя с носом, Максим? – поинтересовалась Розенталь, оглядев мальчишку.

– Ерунда, Надежда Осиповна. Споткнулся и упал.

– Может, сделаем примочку?

– Не стоит. Заживет как на собаке

– Хорошо, как знаешь. А для чего тебе справка?

Максим рассказал, внимательно выслушала.

– Ну что же, спорт хорошее дело, а мальчик ты у нас здоровый. В отличие от многих остальных (вздыхнула).

Открыв один из ящичков стола, достала оттуда чистый бланк, аккуратно заполнив, расписалась и шлепнула треугольную печать.

– Держи, – протянула. – Только больше падай.

– Спасибо, вам, – взял ее Макс. – До свидания. И выскочил из кабинета.

Через десять минут он снова был в секции, (там сражались на помостах очередные пары). Обождав, когда тренер освободится, протянул тому справку.

– Тэкс, – внимательно прочитал. – Здоров, годен. Подпись печать. И, сложив, сунул в карман. – На тренировку завтра в шестнадцать. При себе иметь трусы с майкой, спортивные тапки и полотенце. Усек?

– Ага, – радостно кивнул мальчишка.

– С тобой все, – и отойдя к канатам, закричал, – Осмачко, не сачковать! Работать!

Так Макс стал заниматься боксом.

На первых занятиях опростоволосился. Когда тренер представлял другим ребятам, стоял перед строем босой. Тапок у него не было, и те рассмеялись.

– Оставить! – нахмурился Рыбаков. – Пока будешь так, – покосился на новичка. – А там что-нибудь придумаем.

Для начала Александр Иванович дал задания другим, а когда те запрыгали по помостам, нанося и отражая удары, кратко рассказал Максиму о боксе.

– Уразумел? – спросил, когда кончил.

– Ага, – кивнул мальчишка.

– Не «ага», а да.

– Да.

– Теперь переходим к практике.– На, надевай, – сняв с вешалки на стене одну пару перчаток, вручил Максиму. Он поочередно сунул в них руки, застегнув липучки, оба прошли в дальний угол. Там с потолка свисали две боксерских груши, одну из которых яростно обрабатывал конопатый мальчишка, примерно одних лет.

– Резче, резче Борис! И не опускай руки! – прикрикнул на него тренер.– Видишь, как работает? – обернулся к новичку.

– Вижу.

– Попробуй так на второй.

Максим подошел к соседней, и несколько раз ткнул перчаткой в тугий бок.

– Бей изо всех сил, пока можешь, – включил Рыбаков секундомер.

Сжав губы, представил рожу Дылды и замолотил чаще. Вскоре выдохся. На лбу проступил пот, руки стали ватными.

– Оставить! – нажал кнопку тренер и подошел ближе. – Слабовато. Вас в детдоме что, плохо кормят?

– Нормально, – тяжело дыша, соврал Макс.

– Ладно, проехали. А теперь смотри внимательно. Подойдя к снаряду, показал основные виды стоек, работу рук и ног, механизм основных ударов.

– Вот так и делай, но теперь медленно и поглядывай на Бориса. У него уже неплохо получается. Отошел к помостам.

Занятия длились два часа, с небольшими перерывами, после них мальчишки принимали душ, совмещенный с раздевалкой. Там Максимум выделили шкафчик. Назад он возвращался, едва волоча ноги. Ночью спал мертвым сном. Мышцы болели до следующей тренировки (их было три в неделю). Спустя месяц втянулся.

В клубе занимались двадцать шесть мальчишек от семи до шестнадцати лет. У одних родители были комерсами*, у других служащими или работягами, а у одного даже бандит. Различий между ними Рыбаков не делал. Кроме него с ребятами занимался второй тренер, лет тридцати. Звали Леонид Юрьевич. А еще в штате имелась уборщица – старушка, тетя Маша.

Уже на второе занятие Рыбаков принес Найденову почти новые «боксерки» по размеру, – на носи. После третьего, когда тот переоделся, сказал «двигай за мной».

Выйдя из клуба, прошли по улице до шумного стихийного рынка на углу. Остановились у чебуречной, откуда неслись вкусные запахи.

– Салам командир, – прихрамывая, вышел из боковой двери под два метра смуглый усач в белой куртке.

– Здорово Анзор, – крепко пожали друг другу руки.

– Это тот самый мальчик? – кивнул на Максима.

– Да.

Усач шагнул к раздаточному окну, что-то сказал напарнику и вернулся с двумя золотистыми чебуреками в бумажке.

– Держи, – протянул Макс. Тот, поблагодарив, взял.

– Будешь заходить сюда каждый раз после тренировок, – сказал Рыбаков. – И получать допцак. Ясно?

– Ясно, – сглотнул голодную слюну.

– А теперь дуй домой. И за уроки.

Отойдя от рынка сотню метров, Максим свернул в небольшой сквер, где с деревьев опали листья, уселся на скамейку и жадно съел горячие чебуреки. Раньше их никогда не пробовал. Затем напился воды, тонкой струйкой бьющей вверх из фонтанчика. Утер бумажкой губы, швырнув в урну, и направился в сторону детдома.

«Бывают на свете и добрые люди», думал по дороге. «Надежда Осиповна, а теперь вот Александр Иванович».

Он не знал, что отношение к нему тренера объяснялось довольно просто. Рыбаков сам воспитывался в подмосковном детском доме. Попал туда после гибели родителей в автомобильной катастрофе. Оттуда поступил в Рязанское десантное училище, после которого три года воевал в Афгане. Вернувшись, обосновался в Балашихе, где бывшие сослуживцы помогли открыть школу бокса.

К началу зимы Максим стал проявлять успехи, за что тренер его скупно похвалил и поставил заниматься в паре с Витькой Королевым. Тот имел второй юношеский разряд.

А одним февральским воскресеньем пригласил мальчишку после тренировки к себе в гости.

Жил Рыбаков в небольшой двухкомнатной квартире на улице Льва Толстого, на которую обменял родительскую в Клину после возвращения в Союз.

– Заходи и раздевайся. Будем пить чай, – отперев ключом дверь, пропустил мальчишку вперед.

Пока хозяин занимался на кухне, гость осмотрелся в квартире. Была она уютной, обставлена недорогой мебелью. В зале музыкальный центр, на полу ковер, на стенах несколько фотографий в рамках.

С одной на Макса смотрел пацан, чуть моложе его, сидевший между женщиной и мужчиной. На второй был запечатлен Рыбаков в форме лейтенанта с красивой девушкой. На последней, тоже вроде он, в камуфляже с еще тремя военными. Все при орденах и медалях. Один был уже знакомый мальчишке усатый Анзор из чебуречной.

– Давай мой руки, боец, все готово! – донеслось из кухни.

Сполоснув в ванной руки и утерев их полотенцем, узким коридором прошел на кухню. В углу тихо урчал холодильник «Минск», на стене ворочали глазами «ходики», под окном был накрыт стол.

– Присаживайся, – взял с плиты чайник Рыбаков и разлил по чашкам кипятков. Добавил туда заварки, бросил по три куска рафинада, подвинул Максиму тарелку бутербродов с колбасой и сыром, – ешь.

Выпили по две, гость сжевал половину, икнув, сказал «спасибо».

– На здоровье, – потянулся тренер за сигаретами на подоконнике. Открыв форточку закурил.

– Александр Иванович, – взглянул на него мальчишка. – На фотографиях в комнате это вы?

– Я – выдул вверх струйку дыма. – С родителями, женой и сослуживцами. Родителей давно нет, жена ушла к другому, побогаче. Из ребят остались мы с Анзором.

– Были на войне?

– Да. В Афганистане, а потом Чечне. Ладно, про это неинтересно. Какие у тебя на жизнь планы?

– Хочу стать военным моряком, – не задумываясь, сказал гость. – И повидать мир.

– Ну что же, достойный выбор, – глубоко затянулся тренер. – А как с учебой?

– Нормально.

– Тогда дерзай. Чем сумею – помогу. Кстати, спорт, хорошее подспорье при поступлении в военное училище.

Посидели они час, а потом Рыбакову кто-то позвонил по сотовому.

– Хорошо, – ответил он, сейчас буду. И нажал кнопку.

– Ну что, Максим, мне нужно по делам. Собирайся, подвезу к детдому.

Одевшись, заперли квартиру и спустились вниз. С неба тихо кружился снег, деревья стояли в инее. Во дворе Рыбаков подошел к одному из стоящих у тротуара автомобилей – серого цвета «Ниве», пискнул брелоком ключей – садись.

Немного прогрел мотор, тронулись, со двора выехали на улицу. По ней цугом тянулись автомобили. Рыбаков включил магнитола, салон наполнила грустная и красивая мелодия.

– «Мост над тихими водами» Поля Мориа – повернул к мальчишке голову. – Нравится?

– Очень.

Минут через десять остановились у детдома, – ну бывай, Максим.

– До свидания Александр Иванович, – потянув рукоятку, открыл дверь мальчишка.

Выйдя, он долго смотрел автомобилю вслед, пока не скрылся, а потом направился к воротам.

Зайдя в подъезд, прошел мимо охранника, уткнувшегося в газету, взбежал по ступеням на жилой этаж. Сняв шапку с курткой, определил их на вешалку, где висели такие же, прошел в спальню мальчиков.

Как всегда по воскресеньям в детском доме было тихо и пустынно. Часть воспитанников повезли на экскурсию в Москву, некоторых на выходные забрали близкие, остальные смотрели в «красном уголке» телевизор.

Подойдя к тумбочке у своей кровати хотел взять библиотечную книгу «Приключения капитана Блада». Ее там не оказалось.

«Не иначе забыл в парте» мелькнуло в голове. Отправился этажом выше. По коридору с рядом окон прошел в свой класс, открыл дверь и застыл на месте. На полу у батареи Дылда зажимал Юле Малышевой ладонью рот, Дылда держал за руки, а Браток, навалившись сверху, дергал голый задницей.

– Вы что делаете, твари! – бросился вперед и с налету врезал обернувшемуся Братку в челюсть. Пока он валился на бок, дважды саданул под дых вскочившему на ноги Дылде (тот скорчился), а вот Косого достать не успел. Бросив дружков, он опрометью выскочил в коридор.

Юля, плача и закрывая ладонями лицо, пошатываясь, ушла следом.

– Если еще тронете ее, убью, – наклонился Макс к хватавшему ртом воздух Дылде, и, развернувшись к Братку, засадил носок ботинка тому между ног.

– У-у-у! – истошно завопил, катаясь по полу.

Дрожа от злости, Максим вышел в коридор, там никого. Юле исполнилось пятнадцать, она была самой красивой девочкой в детдоме и, как многим из ребят, ему очень нравилась. А тут такое.

Когда спустился на жилой этаж, из комнаты девочек доносился шум, а затем оттуда высочила дежурная воспитательница. Вскоре к детдому подкатила «скорая», оттуда вышел в белом халате врач с чемоданчиком в руке и исчез в подъезде.

Потом скорая уехала, увозя Юлю.

На следующее утро Максима вызвали в кабинет директора. Помимо Татьяны Александровны, имевшей бледный вид, за приставным столом сидели милиционер и молодая, строго вида женщина. У торцевой стены на стульях поникли головами Дылда с Косым.

– Присаживайся Найденов, – указал туда милиционер. – Я старший следователь милиции капитан Марков. А это секретарь комиссии по делам несовершеннолетних городской администрации Елена Геннадьевна Серебрянская, – представил женщину.

– Сейчас допрошу тебя в качестве свидетеля по уголовному делу об изнасиловании Юлии Малышевой. Кстати, советую говорить правду. Эти герои, – кивнул на Косого с Дылдой уже во все признались.

Максим рассказал все что знал, капитан, оформив протокол, заставил расписаться. Ниже поставили свои подписи Серебрянская и директриса.

– У меня вопрос, – встал со стула, когда следователь разрешил идти. – Здесь нету Братка, в смысле Филимонова.

– Он ночью сбежал, – убрал капитан протокол в папку. – Но ничего, много не набегает. Поймаем.

Через пару месяцев всех насильников осудили, направив в колонию для малолеток. Директрису убрали, на ее место пришел мужчина. Седоватый и в очках. Чем-то похожий на актера Машкова из бандитского сериала. Звали Павел Васильевич Муравин.

Он оказался весьма дотошным и затребовал из гороно комиссию. Та работала неделю, установив в детдоме серьезные хищения. После проверки Татьяну Александровну тоже отдали под суд. Жизнь воспитанников немного улучшилась.

Стали прилично кормить, летом вывозить в подмосковный лагерь отдыха, закупили новую мебель для спален и обновили гардероб.

Глава 2. В начале мечты

Шел 2013-й год.

В чисто вымытые окна актового зала лились потоки солнца, за ними по веткам прыгали воробьи. На сцене за столом сидели директор с заместителем и гости, в партере воспитатели. За ними до последнего ряда, празднично одетые детдомовцы.

Выпускникам, таких набралось семеро, выдавались аттестаты зрелости.

Каждого вызывали на сцену, директор вручал документ. За этим следовали аплодисменты, возвращался назад. Потом шел следующий.

– Найденов! – дошла очередь до Максима. Пройдя по проходу, взошел на помост.

– Поздравляю, – вручил директор синего цвета гербованный аттестат. – Желаю удачи (пожал руку).

Горя ушами вернулся на место, сел. Открыв пробежал глазами оценки. Неплохие – в основном пятерки и четверки. По геометрии с химией – тройки.

Когда вручение закончилось, Муравин, встав, произнес речь – пожелав выпускникам удачи в жизни. При этом сообщил, все они могут быть зачислены в городские профтехучилища или подать документы для поступления в колледжи.

А в институты?! – проорал со своего места пятиклассник Витька Апрелев. Бузотер и двоечник.

– Можно и туда, – приподнял очки директор. – Но тебе Апрелев это не грозит. С такими знаниями, только в грузчики.

Га-га-га! – рассмеялся зал, а замдиректора застучал указкой по графину, – тихо!

После Муравина встал чиновник из горono, сообщил, что в связи с имеющимся в стране законом, выпускникам в городе будет предоставлено жилье. Для чего им следует обратиться в администрацию.

Это тоже вызвало бурную овацию, такое ребята слышали впервые.

– Подвезло вам, – наклонился к Максиму его приятель Сашка Мищенко, годом моложе. – Свое жилье. Круто!

– Не верю, – повертел головой. – Это какая-то лажа*.

Как все детдомовцы, за свою недолгую жизнь, видел только плохое. Здесь, где их унижали и обворовывали, пока не пришел Муравин; на городских улицах, где в мусорных баках рылись пенсионеры и бомжи, в пустых окнах заброшенных фабрик и заводов.

Иногда в школе учителя рассказывали о другой стране. Той, которую ребята никогда не видели. Там не голодали дети со стариками, не было бедных и богатых.

Впрочем, теперь Максим думал о другом. Возможности вырваться из серой, постылой жизни, и стать военным моряком. Наконец могла сбыться заветная мечта.

За то время что прошло, из худого нескладного мальчишки Найденов превратился в рослого парня с широким разворотом плеч и чуть угрюмым взглядом.

Продолжая занятия у Рыбакова и выступая на городских, а потом областных соревнованиях, он стал кандидатом в мастера спорта, и еще больше укрепился в своем желании. Александр Иванович был солидарен с воспитанником и даже познакомил с одним своим приятелем, в прошлом капитаном 3-го ранга.

– Двигай в Питер, сынок. В училище подводного плавания. Теперь это Морской корпус Петра Великого. Сам когда-то заканчивал. И не жалею, – дал совет ветеран.

На следующий день после получения аттестата Максим отправил туда документы. Спустя еще два, директор вместе с выпускниками на служебной «Газели» отправился в администрацию Балашихи. Там каждому выдали свидетельство о праве собственности на жилье, заставив расписаться.

При его осмотре оказалось, это были комнаты в общежитии одной из фабрик на городской окраине. Каждая по пятнадцать квадратных метров, с общей кухней, умывальником и туалетом.

– Какое же это благоустроенное жилье? – возмутился Муравин. Поехали обратно.

Однако чиновники заявили, – другого у нас нет. Берите, что дают или пишите отказы. Писать никто не стал, ребята были рады и такому.

Вернулись снова, каждый получил ключи от своей. Максиму досталась угловая. С выходящим в парк окном, одинокой лампочкой на потолке и выцветшими обоями.

– Главное своя, – запер на ключ дверь. А ни общая спальня.

Хотел начать ремонт (выпускникам выдали подъемные), но Рыбаков отговорил.

– Съездишь в Питер, а там будет видно.

Через две недели пришел вызов. Проезд до места поступления и обратно у Макса был льготный. К имевшейся сумме Александр Иванович добавил еще пять тысяч сказав, – вернешь, когда сможешь. И отвез утром на своей «Ниве» в столицу. На Ленинградский вокзал. Там посадил на поезд, «ни пуха, ни пера» и растворился среди провожавших.

Соседями по плацкарту оказались преклонных лет пара, симпатичная девушка и братковского вида парень с наколками на пальцах и золотой цепью на бычьей шее. Года на четыре старше Макса.

Куда едете молодой человек, если не секрет? – поинтересовался мужчина, когда поезд тронулся.

– Не секрет. В Санкт-Петербург. Поступать в Морской корпус.

– Ясно. А мы с женой до Бологое. Навещали сына. Познакомились – мужчину звали Павел Алексеевич, его жену Татьяна Степановна.

Девушка на боковом месте читала книгу, ее сосед, тупо пялился в окно.

Через полчаса проводник стал разносить по вагону чай. Все взяли по стакану, Максим тоже. Он был с лимоном, вкусный, такой пил впервые.

– Помои, – прихлебнул свой рыжий. – Эй, мужик, где тут у вас кабак? – обернулся к проходящему проводнику.

В последнем вагоне, – на ходу сказал тот, неся очередные заказы.

– Слышь, фифа* пойдём со мной. Угощаю, – наклонился к соседке.

– Благодарю, мне не надо, – подняла от книги глаза.

– Ну, на нет и суда нет (ухмыльнулся). Встав, покинул купе. Спустя час вернулся навеселе. Плюхнулся на свое место, сыто рыгнул и потянул из рук девушки книгу, – что читаешь?

– Отстаньте. Как вам не стыдно, – не отдала та.

– Молодой человек, нехорошо. Ведите себя культурно, – приподнял Павел Алексеевич, а его жена укоризненно покачала головой.

– Ша! – презрительно оглядел. – А ты чего зыркаешь? – ощерился на Максима.

– Кончай бузить, а то будет плохо, – сдвинул брови.

– Это ты мне?

– Тебе.

– Ну, тогда давай выйдем, – процедил сквозь зубы.

– Молодой человек, не связывайтесь. Он же пьян, – вмешалась Татьяна Степановна.

Рыжий между тем встал и сделал приглашающий жест рукой. Максим впереди он следом, пошли по качающемуся вагону.

– Ну что, с-сука? – когда оказались в пустом тамбуре, хотел мазнуть ладонью по лицу. Не успел, получив апперкот в челюсть и боковой по корпусу.

– Больше так не делай, – наклонился над упавшим Максим. Прикрыв дверь вышел.

– Все нормально, – вернувшись, сел на свое место.

Минут через пять, кривясь от боли, появился рыжий. Снял с грузовой полки свою сумку и прохрипел – мы еще встретимся.

– Как скажешь, – пожал Найденов плечами.

Повесив сумку на плечо, молча двинулся по проходу.

– Быстро ты с ним, – улыбнулся сосед. – Повоспитывал?

– Немного, – взглянул на девушку.

– Спасибо вам, – отложила она книгу в сторону.

– А давайте-ка вместе перекусим, – предложил Павел Алексеевич. – Танюша, что там у нас есть? Доставай.

На столике застеленной салфеткой поочередно возникли жареная курица, пупырчатые огурцы, сыр и московский батон в нарезке. Девушка, ее звали Лика Зорина, добавила бутерброды с колбасой, пару яблок и оранжевый апельсин.

– А у меня вот, – достал из сумки пакет с беляшами Максим (их на дорогу дал Анзор). Жаль, остыли.

С шутками и веселым смехом вместе пообедали, заказав еще чаю. Затем чета прилегла на нижних полках отдохнуть, а молодые уселись за столик у противоположного окна.

– Интересное у тебя имя, – сказал Максим. – Никогда такого не слышал.

– Если полностью, Анжелика, – улыбнулась девушка. – Это меня мама так назвала.

Разговорились. Лика возвращалась из Москвы в Питер, где гостила у бабушки. Была коренной ленинградкой, училась в Санкт-Петербургском университете на юриста.

– А ты, значит, едешь поступать в Морской корпус? – взглянула на Макса карими глазами.

– Ну да.

– Знаю такой. Он недалеко от Большого проспекта. Я там живу вместе с родителями.

В три часа дня, распрощавшись, пожилая чета вышла на станции Бологое, на их места сели новые пассажиры. Поскольку рыжий так и не вернулся, Максим пересел на боковое место, разговор продолжился.

Лика ему все больше нравилась. Невысокая, с милостивым живым лицом и стройной фигуркой. В детдоме на девчонок он особо не заглядывался. Общался в основном с мальчишками, да и времени не хватало.

Когда на следующее утро поезд втягивался на перрон Московского вокзала, они были друзьями. Девушка рассказала, что мечтает работать в прокуратуре, как отец, а Масим, что он детдомовец.

– Ну и что? – пожал плечиками. – Папа тоже рос без родителей, они погибли в тайге. Были геологами.

Лязгнув сцепками, состав остановился. Проводники, открыв двери, опустили подножки и пригласили пассажиров к выходу.

– Ты в Питере раньше бывал? – спросила Лика, когда спустились на людную платформу.

– Никогда, – повертел головой Макс, поправив на плече сумку. – Только в Москве, да и то не часто.

– В таком случае провожу тебя до места, – стрельнула глазами. – Мне не трудно.

Для начала они проследовали к метро и спустились вниз, доехав до станции Василеостровская, а затем поднялись наверх, пройдя с километр до набережной. Она впечатляла. Закованной в гранит Невой, изысканной архитектуры старинными особняками, золотыми куполами высокого храма и скользящими по фарватеру прогулочными судами.

– А вот и Морской корпус, – показала Лика на длинное, в три этажа оранжевого цвета здание с колоннами в центральной части, выходящее фасадом на набережную. Вверху, на башенке, реял Андреевский флаг.

– Спасибо тебе. Приятно было познакомиться, – пожал девушке руку парень.

– погоди, вот тебе мой номера телефона, – открыв сумочку, вынула блокнот с шариковой ручкой. Развернув написала семь цифр, вырвала листок, протянула.

– Когда поступишь, дай знать. Покажу тебе Питер.

– Теперь точно поступлю, – аккуратно сложив, сунул в карман.

– В таком случае до встречи. Улыбнулась и пошла обратно.

Он долго глядел вслед, а потом решительно направился к главному входу.

Конкурс в учебном заведении оказался будь здоров – пять человек на место. Но экзамены Максим сдал, получив проходной балл, и был зачислен на штурманский факультет. Там готовили офицеров для надводных кораблей и подводных лодок.

Корпус оказался с богатой историей, основал сам император Петр Первый. Сначала это была Навигацкая школа, впоследствии Морской корпус, а в советское время – высшее военно-морское училище имени Фрунзе. В новой России его объединили с высшим военно-морским

училищем подводного плавания имени Ленинского комсомола, снова переименовав в Морской корпус. Он же Санкт-Петербургский военно-морской институт.

После зачисления всех переодели в синие робы с бескозырками и тяжелыми яловыми ботинками, отправив в летний лагерь для прохождения курса молодого бойца.

Ребята в группе подобрались нормальные: у одних отцы были морскими офицерами, другие из семей рабочих и служащих. В лагере были пять таких групп, разных специальностей

В шесть утра курсантов будили звуки горна, затем следовали построение и физзарядка. За ней трехкилометровый кросс по лесу, умывание и завтрак. После, снова построение и развод на занятия. В щитовых домах, оборудованных под классы, изучали уставы, основы несения караульной службы и автомат Калашникова. На плацу меж ними отработывали строевую подготовку.

Максиму все это давалось легко – сказывались занятия спортом. Другим не очень. Спустя две недели двое подали рапорта на отчисление и исчезли. Остальные понемногу привыкали. Через месяц учеба завершилась боевыми стрельбами (выпустили на полигоне по мишеням три пули), курс вернулся в институт.

Там на складе всем выдали парадную форму: синие форменки, черные клеша с хромовыми ботинками и муаровые ленты на бескозырки с надписью «Военно-морской корпус». Настал день Присяги.

В десять утра курс в белых перчатках и с надраенными автоматами выстроили перед фасадом института. Перед шеренгами стояли пять столиков на них алые папки с текстом присяги. Напротив начальник (контр-адмирал) с профессорско-преподавательским составом. Чуть в стороне приехавшие родители.

Раздалась команда и под медь оркестра парадный расчет, чеканя шаг, пронес перед шеренгами Андреевское знамя*. Когда занял свое место, тамбур-мажор* взмахнул жезлом, последний звук улетел в небо.

Адмирал, придерживая кортик, прошел к трибуне с микрофоном и произнес речь. Поздравив с поступлением в Морской корпус и принятием присяги. Закончил (опять последовала команда), началось действие.

По вызову командира роты каждый курсант выходил из шеренги, с автоматом на груди маршировал к столику. Брал в руку папку с текстом, открывал и давал клятву. После клал на место, расписываясь в журнале. Далее следовал поворот кругом и возвращение на место. Когда церемония завершилась, вновь грянул оркестр, прошли вдоль фасада торжественным маршем.

Затем состоялся праздничный обед, за ним концерт. Приглашенные родители пообщались со своими чадами. Максиму было немного грустно. Эх, был бы среди них, Александр Иванович.

На следующий после торжества день начались занятия. Теперь их проводили в классах учебных корпусов и на институтском плаце. Изучали высшую математику с геометрией, физику, теоретическую механику, химию, черчение, и иностранный язык. От обилия материала кружилась голова. То, что было в школе, не шло ни в какое сравнение.

Помимо учебы пришлось ходить в корпусные наряды – на службу и работы.

Особенно изводили строевые занятия на плацу: маршировали ротой, взводами и в одиночку. Ко всему этому прибавилось чувство голода. Кормили курсантов неплохо, но есть хотелось постоянно.

В один из таких дней, перед отбоем, попросив у одноклассника Генки Резникова сотовый (своего не было), позвонил Лике.

- Здравствуй, это Максим, – назвался, услышав знакомый голос.
- Макс! Рада тебя слышать! Поступил?
- Как и обещал.
- Здорово. Когда будем смотреть Питер?

- Как только пустят в увольнение.
- Звони. Буду ждать.
- И я. Нажав кнопку, отдал трубку Генке. – Спасибо.
- Да чего там, если надо обращайся, – сунул в карман.

Первое увольнение состоялось через неделю, в воскресенье. Накануне тем же способом связался с Ликой. Договорились встретиться в десять утра у ледокола «Красин», стоявшем на вечном приколе у набережной имени революционного лейтенанта.

Отпарив форменку с клешами, надраив до зеркального сияния бляху на ремне и ботинки, в числе других первокурсников – счастливцев, Максим впервые отправился в увольнение. День выдался погожим, в воздухе летала паутина, над Невой парили чайки.

Многие ребята отправились в город группами. Найденов, отделившись от своей, направился в сторону «Красина». Ледокол внушал уважение размером и оснасткой, теперь в нем находился Музей Мирового океана.

Пока задрав голову, курсант рассматривал с набережной гиганта, позади раздался стук каблучков – оглянулся. К нему легким шагом подходила Лика. В шелковой цветной блузке, юбке до колен, туфельках и модной сумочкой на плече.

– Здравствуй, вот и я, – остановившись рядом, задорно тряхнула челкой. – Тебе очень идет морская форма, – протянула узкую ладонь.

– А тебе твоя, – осторожно пожал Максим. Лика весело рассмеялась.

– Ты готов к экскурсии по Северной столице?

– Всегда готов! – бросил руку к бескозырке.

– Для начала предлагаю поглядеть Медного всадника. Он у нас визитная карточка. Ну что? Пошли? (взяла кавалера под руку).

– Ага, – сглотнул слюну. Вот так с девушками никогда не ходил. От нее шел легкий аромат духов, сладко закружилась голова.

Как и в прошлый раз воспользовались метро, еще по утреннему немногочисленным. Доехав до станции «Адмиралтейская» поднялись наверх. Миновав Александровский сад вышли к набережной Невы где на Сенатской площади стоял памятник. На гранитном пьедестале, вздыбив жеребца, император простирал длань* в будущее.

– Да, круто, – оценил Макс. – Дух захватывает.

– А на этой площади было выступление декабристов, – показала рукой Лика.

– Это которые «во глубине сибирских руд?» блеснул эрудицией.

– Любишь Пушкина?

– Люблю. И еще Лермонтова.

Постояв у памятника, направились к величественному зданию Адмиралтейства, шпиль которого украшал парящий в небе корабль, а затем осмотрели Исаакиевский собор. Все это время Лика давала пояснения, чувствовалось – она любит свой город.

– А теперь навестим Александровский сад, – предложила после собора.

– Давай, – кивнул бескозыркой Максим, и они направились туда.

Сад встретил их аллеями в золотых красках осени, увядающими клумбами и бьющим в центре фонтаном. В западной его части рос вековой дуб, посаженный еще императором Александром, на территории стояли памятники Лермонтову с Гоголем, Глинке и Пржевальскому.

Прогулявшись, вернулись к фонтану. Там Максим купил у мороженщицы с тележкой два ленинградских эскимо, вручив одно девушке. Сели на скамейку. Внезапно по саду полилась тихая музыка, и она указала на фонтан, – смотри.

Высокие искрящиеся струи в унисон стали исполнять танец. Одни опадали, другие били еще выше, среди них возникла радуга.

– Красиво, – открыл рот Макс.

Затем со стороны Петропавловской крепости, донесся оружейный выстрел.

– Полдень, – взглянула на часики на руке Лика.

Съев мороженое, продолжили экскурсию, направившись в Эрмитаж, находившийся от сада в десяти минутах хода.

Там, купив два билета, долго ходили по залам. Лика рассказывала о картинах великих мастеров, Максим рассматривая их внимал. Особо ему понравились работы Айвазовского и голландского мариниста Бакхейзена. Завораживали.

Когда спустя три часа вышли, солнце спряталось за тучи, стал накрапывать дождь.

– Ты, наверное, проголодалась, – взял Макс Лику за руку. – Давай где-нибудь поедем.

– А ты?

– Я тоже.

– Здесь недалеко «Макдоналдс».

– Отправляемся туда.

Вышли на угол Большой Морской и Кирпичного переулка. На первом этаже дома висела нужная вывеска. Поднялись по ступеням, Максим открыл дверь, пропуская Лику, оказались в полупустом уютном зале.

– Ты что будешь? – спросил, когда подошли к стойке.

– Овощной салат, чизбургер и колу.

– Тогда и я, – сделал заказ у девушки в униформе.

Лика хотела было открыть сумочку, остановил, – я угощаю.

Расплатившись, взял поднос, прошли к столику у окна. Выставил все, что заказали, сели друг против друга.

– Так нечестно, Макс. Ты меня все время угощаешь, – с упреком сказала Лика, пососав колу из соломинки.

– Да ладно, – рассмеялся. – Сегодня я богатый.

– В смысле?

– Получил стипендию.

– Много?

– Три тысячи пятьсот рублей.

– Не слабо! – округлила Лика глаза. – Больше, чем у нас.

– Вообще-то стипендия у нас две тысячи. Но я получаю еще полторы. Как кандидат в мастера спорта по боксу. Показал серебристый значок на форменке.

– Красивый, – оценила Лика.

С аппетитом поели, вышли на улицу, погода опять наладилась. Из-за туч выглянуло солнце, блестел чуть мокрый асфальт. Гуляли до вечера, а когда над Невой заиграли краски заката, Максим проводил Лику до дома. Он был старинной постройки в четыре этажа, с эркерами и лепниной под крышей.

– Ну что? До следующего увольнения? – подняв светлую головку девушка.

– До следующего, – пожал руку, и она скрылась в парадном.

Макс немного постояв, пошел тротуаром вдоль домов. По дороге увидел вывеску «Телефоны и аксессуары», спустившись на три ступеньки вниз, потянул на себя дверь. Звякнул колокольчик.

На витринах довольно просторного помещения рядами тянулись мобильники и всевозможные «примочки» к ним. Стал рассматривать.

– Вам помочь? – нарисовался из подсобки парень его лет, щуплый и в очках.

– Мне нужен сотовый. Недорогой и надежный, – оглядел его курсант.

Деньги на покупку у него были. Те, что получил в детдоме и от Рыбакова.

– Понял, – кивнул очкарик. И взял с витрины один из телефонов.

– Рекомендую (показал). «Нокиа», малазийская сборка. Объем памяти шестнадцать мегабайт, разрешение ноль три микро пикселя, высокая емкость батареи. Цена две тысячи пятьсот рублей.

– Хорошо, – последовало согласие. – Оформляй.

Продавец вернул образец на место, оба прошли к стойке с кассой. Там принес из подсобки небольшую гляцевую коробку, открыл, вставив сим-карту проверил. Вновь упаковал, выбил чек. Найденов, протянув деньги, взял коробку и, поблагодарив, вышел.

Вернувшись в Корпус, отметил увольнительную прошел через плац в помещение своей роты. Там было тихо и пустынно. Одни курсанты еще находились в увольнении, другие смотрели телевизор в комнате досуга или писали письма.

– Ну как первое увольнение? – нарисовался рядом с Максом Генка Резников.

С самого начала они сошлись характерами и дружили. Генка был из семьи военных. Отец, капитан 1 ранга командовал в Кронштадте бригадой подводных лодок. Сын, окончив Нахимовское училище, поступил в Морской корпус и шел по его стопам.

– Как в сказке, – улыбнулся Максим. – Вот, купил сотовый, – продемонстрировал коробку.

– Ну-ка, ну-ка, – вынул Генка оттуда трубку, повертев в руках. – Клевая модель. Теперь будешь звонить своей девушке чаще (рассмеялся).

– Да ладно тебе, – забрал сотовый обратно.

В девятнадцать часов дневальный выдал команду «построиться для перехода на ужин!». Кормили винегретом, мясным пловом, на сладкое компот. Подкрепившись, Генка в числе других отправился в курилку, – пригласив с собой Максима. Он знал массу веселых историй, обещал рассказать очередную.

– Значит так, – чиркнув зажигалкой, затянулся сигаретой. – Кто из увольнявшихся был сегодня у Медного всадника на Сенатской?

– Мы, – ответили еще два курильщика. – И я тоже, – добавил Максим.

– Как вам царский конь?

– Конь как конь, – сказал один. – Правда, здоровый.

– Ничего больше не заметили?

– У него яйца блестят, – почесал нос второй.

– Во! – ткнул в него пальцем Генка. – А почему?

– Хрен его знает.

– Рассказываю, – заблестел глазами. – Не знаю, кто придумал, но у нас в нахимовском, издавна существует традиция. Каждый раз ночью перед выпуском пробираться к памятнику и надраивать асидолом царскому коню яйца.

– Га-га-га! – закатились хохотом курсанты. – Травишь!

– Зуб даю, – щелкнул по одному ногтем. – Я в мае в этом участвовал.

В десять вечера из увольнения вернулись последние курсанты, через час прозвучала команда «Отбой!». В кубриках погас свет, воскресенье закончилось. За окнами висела желтая луна.

Глава 3. Отпуск. Продолжение учебы

Дни летели стремительно и были заполнены до отказа. Подъем в шесть утра, трехкилометровый кросс, по еще пустым улицам Васильевского острова, завтрак и занятия до обеда. Короткий отдых, снова занятия. Самоподготовка, ужин, личное время, отбой. В увольнениях Макс продолжал встречаться с Ликой, их дружба крепла, грозя перейти в любовь.

Среди курсантов роты появился еще друг – Юрка Песин. Ребят сблизил спорт. Юрка был родом из Кузбасса, отец шахтер. Имел первый разряд по штанге.

Еще с советских времен в Корпусе активно культивировался спорт. Имелась своя команда, нередко побеждавшая на общешкольных соревнованиях. Найденов с Песиним были зачислены туда и вместе посещали тренировки.

В феврале, после завершения первого семестра и сдачи экзаменов курсанты разъехались в отпуск. Резников отправился в Балтийск, Песин в Кемерово, а Максим решил навестить Балашиху. Очень хотелось увидеть Рыбакова, да и ребят из своего выпуска. Посмотреть, как живут

– Что тебе привезти из Москвы? – спросил Лику в увольнении перед отъездом.

Тем днем, посмотрев в кинотеатре фильм «Брат» они гуляли по Летнему саду. На Максиме черная шапка и шинель с якорями на погонах, на девушке меховой берет и шубка. Стояла оттепель, с деревьев, подтаяв, шуршал снег. В задумчивости стояли античные статуи на аллеях.

– Привези себя, – рассмеялась Лика, и, чмокнув на прощание в щеку, убежала.

Москва встретила небольшим морозцем и деловитостью Ленинградского вокзала. На платформах суетились пассажиры, грузчики толкали тележки с багажом. Металлический голос из колонок объявлял прибытие и отправление поездов. На табло светилось время – четырнадцать часов.

Выйдя на Комсомольскую площадь, Найденов был остановлен военным патрулем: офицером и двумя курсантами с красными повязками на рукавах.

– Ко мне! – махнул хромовой перчаткой старший лейтенант.

Подойдя, вскинув руку к виску, представился.

– Куда следуете? (оглядел).

– В краткосрочный отпуск. В Балашиху.

– Документы.

Опустив у ног сумку, расстегнул ворот шинели, протянул военный и отпускной билеты. Старший лейтенант, внимательно просмотрев, вернул. – Можете следовать дальше.

Застегнувшись, взял сумку, снова козырнул (патруль ответно), направился к метро. Спустившись вниз доехав по кольцевой до «Курской», поднялся вверх и проследовал на вокзал. Там, взяв билет на электричку до Балашихи, занял свободное место.

Через несколько минут шипя, закрылись двери, за окнами поплыла платформа.

Пассажиров в вагоне было немного. Одни уткнулись в журналы, другие молчали. Два мужика напротив о чем-то спорили, за стеклом в тамбуре дымила сигаретами подвыпившая копания.

На очередной остановке – Реутово, в вагон зашла худенькая женщина, ведя под руку слепого в темных очках и с обожженным лицом. Одет был в кепи, потертый камуфляж и берцы*. На груди орден «Красной Звезды» и медаль. Сняв головной убор, протянул вперед. Двинулись по проходу.

Одни пассажиры участливо вздыхали, другие отворачивались, делая вид, что не замечают, третьи сидели с каменными лицами. У Максима прошел мороз по коже. Вскоре пара оказалась у скамейки, где сидел, вынув из кармана шинели сотню, опустил в кепи.

– Спасибо, – шевельнула губами женщина. Пошли дальше.

Балашиха осталась, как была. Тот же обшарпанный вокзал, с бегающими по перрону бродячими собаками, серые дома и разбитый асфальт. Пройдя к ближайшей остановке, дождал старенький автобус, идущий к центру, скрипнула, закрываясь дверь, тяжело тронулся с места.

Впрочем, кое-что изменилось. Тут и там возводились новостройки, стихийных базаров стало меньше, увеличилось число автомобилей. Доехав до нужной улицы, вышел, и пошагал к знакомой девятиэтажке. На стене все также висела вывеска с временем работы школы, спустился по истертым ступеням в подвал.

На одном из помостов с канатами прыгала пара мальчишек, молотя друг друга перчатками, на втором еще один занимался с тренером. Четверо сидели на скамейке, наблюдая, лет

семи лопухий пацан в углу обрабатывал грушу. Рыбаков с секундомером в руке стоя спиной к входу время от времени подавая на ринг команды.

– Александр Иванович, – подошел ближе Найденов. Тот обернулся, – брови поползли вверх. – Максим?

– Точно так! – вскинул к виску руку. – Прибыл в краткосрочный отпуск!

Удары в зале смокли. Все пялились на невиданного гостя.

– Ух, ты-ы, моряк, – протянул, обняв грушу лопухий.

Рыбаков с Найденовым шагнув, друг к другу, крепко обнялись.

– Орел, – отстранился Александр Иванович. – Меня перерос (похлопал по плечам). А почему не дал знать?

– Так получилось. Оба рассмеялись.

– Леонид Юрьевич, – обратился ко второму тренеру, пожавшему Максиму руку. – Продолжай занятия. Меня сегодня не будет.

Тот молча кивнул и вернулся к ребятам.

Чуть позже оба шагали по улице. По дороге зашли в чебуречную. Теперь на месте киоска стояло модульное строение с вывеской «У Анзора».

– Капиталистом становится мой сержант, – улыбнулся Александр Иванович. – Заходи, – пропустил вперед курсанта.

За столиками в зале угощались десяток посетителей, и сновал официант. Из колонок лилась песня «Любэ», за стойкой возвышался хозяин.

– Вах! – выпучил глаза увидев вошедших, захромал навстречу.

– Джигит, совсем джигит! – облапил Макса ручищами. – В отпуск?

– Да.

– Казбек! – обернулся к официанту. – Быстро накрой столик в кабинете.

Миновав стойку, прошли туда.

Вскоре на круглом столе появились истекавшие горячим соком шашлык на блюде, нарезанный ломтями сулугуни, зелень, а к ним бутылка коньяка.

– Рекомендую, «Кизляр». Такой только в Дагестане делают, – наполнил хозяин рюмки.

– За тебя, Максим! – поднял Рыбаков свою. В нее звякнули еще две, выпили, закусили.

Когда съели шашлык, повторили. Теперь тост, сказал Анзор, – за настоящих мужчин и дружбу!

Затем Максим хлопнул себя по лбу «совсем забыл» и раздернул змейку на стоявшей рядом сумке. Достал оттуда две десантных тельняшки, купленных в военторге.

– Вам. Поочередно вручил обоим.

– Ну, брат, удружил. А то моя совсем старой стала, – ткнул пальцем Анзор в выцветшие полоски под воротником. Рыбаков повлажнел глазами.

– А теперь расскажи, как живешь и учишься? – бережно убрал тельняшку бывший сержант.

Максим подробно изложил, оба с интересом внимали.

– Ну а бокс? Продолжаешь заниматься или бросил? – вынув из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой Рыбаков.

– Продолжаю, Александр Иванович. Тренируюсь в сборной Морского корпуса.

– Неплохо. В соревнованиях участвовал?

– Пока нет. Но они не за горами.

Засиделись до ранних сумерек, а затем тепло простились с хозяином.

– Ты насколько приехал? – вышел провожать.

– Отпуск две недели.

– Каждый день можешь кушать у меня. Не приедешь – обижусь.

– Спасибо дядя Анзор.

Пожав обоим руки, вернулся обратно.

– Значит так, живешь у меня, – сказал тренер, когда прошли к автобусной остановке.

– У меня же своя комната, – попытался отказаться.

– Возражения не принимаются.

На следующее утро, проснувшись в его квартире, обнаружил на столе кухни записку и два ключа на связке. «Еда в холодильнике. Отдыхай. Буду поздно». Взял в руки ключи – один был от его комнаты (оставил, когда уезжал). Второй, английский, от квартиры.

Почистив зубы и умывшись по пояс холодной водой в ванной, вскипятил на кухне чай, намазал кусок хлеба маслом, позавтракал. Вымыв чашку, поставил на полку, остальное убрал в тихо гудевший холодильник. Спустя час вышел из подъезда. В небе проглянуло солнце, на кустах чирикали воробьи, день обещал быть погожим.

Пройдя к недалекой остановке, дождался нужного автобуса, доехал до общежития. За ним темнел голый парк, синела льдом замерзшая Пехорка. У берега два пацана катались на коньках. Потянул на себя обшарпанную дверь, в нос ударил запах кухни и табака. Мимо, вихляясь, прошаркал тапками небритый мужик явно с бодуна. Где-то плакал ребенок.

Задробил ботинками на второй этаж, пошел по длинному, с истертым линолеумом коридору. Вот и его угловая комната. Вставив в замок ключ, провернул, толкнув дверь, и застыл на пороге. Она разительно изменилась. Потолок сиял свежей побелкой, на стенах новые обои, у одной деревянная кровать с подушкой, накрытая покрывалом. Напротив стол и два стула, в углу платяной шкаф.

– Тебе чего тут надо? – раздался за спиной голос.

Обернулся, рядом стоял Женька Виноградов. Один из тех, с кем выпускался.

– Макс! – открыл рот. – Какими судьбами?

– Вот, приехал в отпуск.

– Да. Круто смотришься (закрыл).

А что с моей берлогой? – вошли внутрь.

– Так в ней сделали ремонт. Еще осенью. Нарисовался твой тренер с каким-то усатым. И все забабали.

Найденов пощупал кровать с упругим матрасом, открыл форточку чисто вымытого окна и отодвинул один из стульев, – присаживайся. Ну а как вы? – сняв шапку, уселся на другой.

– Да кто как, – пожал плечами Женька. – Я работаю в автосервисе на мойке, Люська Хуторная швеей на фабрике. Трое загнали свои комнаты и свалили, а Эдька с Витьком собирают металл на свалках, сдают и бухают.

– Невеселая картина, – оценил Максим.

– Ну а ты как?

– Учусь в Питере. Буду офицером подводником.

– Ясно, – шмыгнув носом Женька.

– В детдом заезжаете?

– А чего туда ездить? Не лучшие воспоминания. – Кстати, Муравин загремел в больницу с сердцем.

– Навещали?

– Нет, – отвел Женька глаза.

– Ладно, пойду я. Встав, закрыл форточку, оба вышли наружу.

– Бывай, – дважды провернул ключ в замке. – Я еще зайду.

Из общежития Максим поехал в детский дом.

– Ты к кому, сынок? – оглядев, спросил пожилой охранник в вестибюле.

– К Розенталь.

– А кто будешь?

– Выпускник этого заведения.

– Решил навестить?

Молча кивнул.

– Она у себя, проходи.

Мария Осиповна сидела в своем кабинете, заполняя стопу каких-то карточек.

Подняв голову, охнула, – Найденков!

– Точно, – сняв шапку, улыбнулся Максим.

– Прходи, садись. Рада, очень рада. Ты повзрослел. Ну, рассказывай, как живешь, как учишься? Присев на белую кушетку рассказал.

– Значит на каникулы?

– Да. Я слышал Павел Васильевич лежит в больнице?

– К сожалению. В Центральной, попал с инфарктом.

– Хочу его навестить.

Поговорив еще немного распрощался, вышел из кабинета и спустился вниз.

В ближайшей «Пятерочке» купил сетку апельсинов, через десять минут вышел из автобуса рядом с больницей. Судя по виду, она знала лучшие времена, вошел внутрь. У окошка регистратуры поинтересовался, в какой палате лежит Муравин, сказав, пришел навестить.

Молоденькая медсестра, полистав журнал назвала, сняв шинель и шапку сдал их в гардероб, худенькой старушке. Поднялся на третий этаж, нашел нужную палату. Директор лежал в пижаме на кровати у окна и читал книгу. На соседних еще двое. Один спал, второй слушал плеер, нацепив наушники.

– Здравствуйте Павел Васильевич, – подошел к кровати.

– Тот, отложив книгу, сел и прищурился. – Никак Найденков?

– Он самый.

– Присаживайся, – указал на стул.

– Это вам, – положил апельсины на тумбочку и уселся рядом.

– Да. Возмужал. И форма тебе к лицу, – оглядел парня директор. – В отпуск?

– На целых две недели.

– Молодец. Я как видишь тоже. Сердце пошаливает. Как жизнь? Как учеба?

– Отлично. А как вы?

– Выздоровливаю, скоро выпишут. Ну, давай рассказывай о себе.

Спустя час, душевно поговорив с Павлом Васильевичем, снова спустился вниз. Получив шапку с шинелью оделся, – сказав гардеробщице спасибо, вышел за стеклянную дверь.

– Видный парень, – поцокала языком старушка, а медсестра, глядя вслед, вздохнула.

Немного погуляв по городу, Максим почувствовал голод и стал размышлять, идти или нет к Анзору. С одной стороны было неудобно, они с Рыбаковым и так многое для него сделали. С другой знал – предложение шло от сердца, не хотелось обижать.

Остановившись на втором, доехал автобусом до кафе, благо проезд был бесплатным. Толкнув дверь, вошел в зал. За столиками обедали несколько посетителей, в углу компания из трех хмурых мужиков пила пиво, закусывая фисташками. Как и в прошлый раз тихо лилась музыка.

– Молодец, что пришел, – вышел из двери за стойкой Анзор. Под белой курткой голубела полосками новая тельняшка. – Динара! обернулся к раздатке.

Оттуда выпорхнула стройная черноглазая девушка, остановилась рядом.

– Знакомься, моя племянница.

– Максим, – протянул руку гость, почувствовав легкое пожатие.

– Каждый день он будет обедать у нас. Ясно?

– Да, дядя. Хлопнула пушистыми ресницами.

– Займись, – направился к стойке с очередным клиентом.

– Что будете кушать? – указала на столик у окна.

– На ваше усмотрение, – покраснел Макс.

Чуть позже, определив на вешалку рядом шинель с шапкой, он с аппетитом уплетал наперченное харчо. За ним последовала сочная отбивная с жареной картошкой и румяный хачапури. Когда все убрав, Динара поставила на стол кофейник с двумя чашками и направи-лась к раздаче, за столик подсел хозяин.

– Как еда, дорогой?

– Спасибо, дядя Анзор. Очень вкусная.

– На здоровье, – налив из кофейника в чашки, прихлебнул из своей.

– Александр Иванович оставил утром записку, что вернется поздно. – Не знаете почему?

– Знаю. Командир поехал в Москву. На деловую встречу.

– В смысле?

– Как ты знаешь, мы бывшие афганцы. И у нас там своя организация. Зовется Россий-ский Союз ветеранов Афганистана. Главный – полковник Клинецевич, сейчас депутат Госдумы. Вместе служили в Баграме в парашютно-десантном полку.

Союз помогает своим держаться на плаву. Одним находит работу, другим помогает финансами, третьих отправляет на лечение. Для чего имеется фонд. Из него мы с командиром получили ссуды и открыли свое дело – он школу бокса, я чебуречную.

Теперь возвращаем, вот он и поехал утрясать кое-какие вопросы.

– Ясно, – помешал Максим ложечкой кофе. – Можно еще вопрос?

– Говори.

– Это вы с Александр Ивановичем отремонтировали мою комнату?

– Мы. А что?

– Вообще-то я собирался ее продать. А теперь даже не знаю.

– Послушай меня, сынок, – положил волосатую лапу Анзор на его руку. – У каждого обязательно должен быть свой дом. Для начала у тебя есть комната. Закончишь учебу, тогда решишь. Нужна тебе или нет. Главное, что она есть.

– Наверное, вы правы, дядя Анзор, – чуть подумал Максим. – Вопрос исчерпан.

– Какие планы на день?

– Поеду в школу. Немного потренируюсь.

– Я так думаю! – выдал хозяин фразу из фильма «Мимино», подняв палец. Оба рассме-ялись.

В секции, как обычно, шли занятия. На рингах, молотя друг друга спарринговали* пары, второй тренер, прохаживаясь за канатами, наблюдал. В углу два пацана лупили груши, еще один вел бой с тенью.

– Решил поглядеть? – пожал тренер руку.

– Немного, Леонид Юрьевич. И, если можно, потренироваться.

– Брэк! – остановил учеников тот, тяжело дыша, пары разошлись. Все с интересом уста-вились на курсанта.

– Ребята! – обвел их взглядом наставник. – К нам зашел выпускник школы Максим Най-денов, кандидат в мастера спорта. Выступал на первенство города и области. Сейчас курсант военно-морского училища. Кто желает поработать с ним в паре?

– Я! И я! Поднялись две руки в перчатках.

– Наши перворазрядники, Синцов и Марченко, представил Леонид Юрьевич. Давай в раздевалку. Там в моем шкафчике есть во что обуться.

Спустя несколько минут, чуть размявшись, в тельняшке, трусах и черных боксерках, Максим впрыгнул на помост, пройдя в синий угол. В красном уже приплясывал, имитируя удары Марчено. Рослый, с противника. Лет семнадцати.

– Бой! – дал команду тренер. Перворазрядник ринулся в атаку.

Гость, уклоняясь, ушел в глухую защиту, переждал серию ударов и напал сам. На третьей минуте обманым финтом заставил парня прикрыть голову и провел два удара в корпус. Согнувшись пополам, Марченко свалился набок.

– У-у-у, – разочарованно загудели зрители.

Максим помог встать, дружески похлопав по плечу. Тот спустился с ринга.

– А теперь со мной, – ступил на него Синцов.

Это был приземистый крепыш, по виду ровесник Максима, с низким лбом и наколкой на предплечье в виде головы тигра.

По команде тренера, сблизившись, обменялись ударами. Синцов был явно сильнее Марченко, подвижней и техничней. Он уверенно отразил атаку противника и перешел в нее сам. Нанося сильные и точные удары. Раунд закончился ничьей.

«М-да», думал, бросив руки на канаты в своем углу, Максим. «Не хватало, чтобы он меня отправил в нокаут. Позора не оберешься».

Во втором раунде, усилив натиск, он дважды сбивал парня с ног, но тот поднимался и упрямо шел вперед. Ввиду явного преимущества тренер прекратил бой.

– Ты смотрию, время даром не теряешь. Продолжаешь заниматься? – спросил, когда Найденов сошел с помоста.

– Да. Состою в сборной Корпуса по боксу.

– Ну-ну, – одобрительно кивнул Леонид Юрьевич и возобновил тренировку. Максим поработал на груше, показав двум пацанам ряд ударов, а после вымылся в душе, совмещенном с раздевалкой. Оделся и, поблагодарив тренера, вышел на улицу.

Отпуск пролетел как один день. За это времени встретился с другими выпускниками, жившими в общежитии, и еще раз навестил директора в больнице, где тот подарил книгу Пикуля «Из тупика». Несколько раз съездил в Москву, посетив Лужники (там шли соревнования боксу), Третьяковку и Исторический музей.

Комнату по совету Рыбакова сдал на полгода его знакомому, получив шестьдесят тысяч рублей, а затем, распрощавшись с ним, Анзором и ребятами, убыл утренним «Сапсаном»* в Питер.

В оставшийся день встретился после занятий с Ликой, подарив букет мимоз и рассказав, как провел каникулы. Та с интересом выслушала, а потом сказала, – Макс, хочу познакомить тебя с родителями.

– Может не надо? – взглянул на девушку.

– Они тебе понравятся, – улыбнулась Лика.

Во втором семестре к уже имевшимся предметам добавились специальные дисциплины: устройство подводной лодки, навигация, минное и ракетно – артиллерийское оружие. Учеба стала напряженной. Одним таким днем, в очередном увольнении, Лика сообщила, – идем ко мне в гости.

– Ну, в гости так в гости, – вздохнул Макс.

Старшие Зорины встретили доброжелательно. Вскоре все четверо сидели за накрытым столом в зале. Таких квартир гость не видывал: просторная, обставленная дорогой мебелью, с блестящим паркетом и картинами на стенах. Отец Лики оказался полковником, заместителем военного прокурора ЛенВМБ*, мама – врачом.

– Так что? Выпьем за знакомство? – откупорил хозяин бутылку вина с надписью «Цинандали» на наклейке.

– Вообще-то нам запрещено, – пробормотал Макс.

– Ничего, это сухое, (наполнил бокалы).

Подняли за сказанное, Лика положила ему в тарелку крабового салата, – рекомендую. Очень вкусно.

– Ты погляжу, мастер спорта? – когда закусили, спросил отец.

- Кандидат, – уточнил Максим.
- В каком виде?
- Боксе.
- Похвально, – кивнул породистой головой.
- А кто ваши родители? – спросила мать.
- Их у меня нет. Я детдомовский, – покраснел.

За столом возникла неловкая пауза, ее прервала Лика, – давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Юрий Иванович, так звали отца, рассказал веселую историю из своей курсантской жизни. Мать сидела, поджав губы. Спустя час, поблагодарив родителей, Макс с Ликой покинули квартиру. У них были билеты на концерт.

- Ну, что скажешь? – проводив пару за дверь, вернулась хозяйка к мужу.
- Видный парень, к тому же спортсмен. Жаль детдомовский.

– Вот и я говорю. Он Анжелике не пара. У нее на курсе более достойные ребята. Взять того же Русика Серебровского. У него отец депутат Заксобрания* и известный в городе коммерсант. Он ухаживает за Ликой, а та кочевряжится. Связалась с этим курсантом. Запрети ей встречаться.

- Хорошо – налил себе еще бокал.

Когда вечером дочь вернулась, с ней состоялся серьезный разговор. Она молча выслушала, на глазах всплыли слезы, – как хотите, встречаться буду. Я Максима люблю! И убежала к себе в комнату, хлопнув дверью.

- Упрямая, вся в тебя, – нахмурилась мать.
- Ладно, Ирина, не будем обострять. А там будет видно.
- Смотри. – Как бы не стало поздно.

В апреле прошли соревнования на первенство Балтийского флота, где Найденов взял первое место по боксу и получил звание мастера спорта. Учеба тоже шла неплохо, за что приказом по Корпусу его назначили командиром отделения с присвоением воинского звания старшина 1 статьи.

Глава 4. Крушение надежд

- И-и раз! И-и раз! И-и раз! – держа румпель, пел команды старшина шлюпки.

Сидя за гробным, Максим натужно ворочал веслом, по другому борту сопел Песин. Морской ял с семьей курсантами, скользил по морской зыби. Майское солнце припекало спины, блеснул серебром Финский залив, на рейде серели громады кораблей.

Первокурсники обучались гребле на шлюпбазе, находившейся в Кронштадте, после недельной отработки начались экзамены. Повезло не всем. Жорка Полетаев завалив навигацию, был отчислен. Остальные, пришив на форменки по второму золотому угольнику, выехали на морскую практику в Балтийск.

Там находилась главная база ДКБФ*. Группу разместили в одной из береговых казарм, на утреннем построении начальник практики, капитан 3 ранга Кривцов объявил, ее будут проходить на корвете «Стерегущий».

– Корабль спущен на воду в 2006-м году. В составе флота с две тысячи восьмого. Имеет славную историю: на сегодня прошел пятьдесят тысяч миль. Участвовал в оперативно-стратегическом учении «Запад-2009», а в прошлом году представлял ВМФ России на четырехстороннем международном военно-морском учении «Фрукус». Был с визитами в Бельгии, Швеции и Голландии.

А посему на борту вести себя достойно. Учиться всему, что покажет экипаж, – сказал, прохаживаясь перед строем. Все ясно? (поворочал головой в белой фуражке).

– Так точно! – рявкнули двадцать пять глоток.

– Ра-авняйсь! Смирно! Напра-во!

И повел строй в синих робах с беретами в гавань, где у стенок стояли корабли.

Вахтенный офицер «Стерегающего» разместил практикантов по кубрикам. Первая морская практика началась.

Для начала их познакомили с кораблем и расписали по боевым сменам, через неделю вышли на отработку. За кормой скрылся Балтийск, до горизонта волновалось море. С неба стал накрапывать дождь. Перед корветом стояла задача обнаружить в районе поиска «вражескую подлодку» и условно уничтожить

Выйдя в заданный квадрат, сбавив ход, пошли переменными галсами. Гидроакустическая станция работала на прием. Спустя час в морских глубинах засекали цель. Тишину отсеков разорвали колокола громкого боя, последовала торпедная атака, увенчавшаяся успехом.

Практиканты в ней участия не принимали – были на боевых постах дублерами. Но почувствовали себя настоящими моряками

После швартовки в базе, начальник практики разрешил сходить в город. Переодевшись в форму три* и надрав бляхи с ботинками, отправились туда.

Балтийск, до войны звавшийся Пиллау, основали пруссы, затем штурмом взяли шведы, а после войны 1812 года он вошел в состав Российской империи. В годы Великой Отечественной войны в захваченном фашистами Пиллау базировались их подлодки, в апреле 45-го город взяли советские войска.

Для начала осмотрели памятник Петру I на центральной площади и старинный маяк, а затем прошлись по городу. Он представлял смешение архитектурных стилей, прошлого века дома соседствовали с современными. Сохранились и остатки шведской цитадели, часть ее использовалась и поныне.

Корвет простоял у стенки три дня. За это время познакомились с подводной лодкой проекта «Варшавянка», зашедшей в Балтийск. Перед этим курсантов выстроили у нее на пирсе. Начальник практики дал краткий инструктаж.

– И еще, – добавил стоявший рядом с ним дежурный по кораблю. В пилотке, синем репсовом костюме и с нарукавной повязкой «РЦЫ»

– Руками ничего не трогать. Держаться вместе. Мобильные телефоны сдать.

Чуть позже, по команде, узким трапом перебрались на борт. Вслед за дежурным поднялись звонким трапом на мостик. Оттуда по одному, наступая друг другу на головы, спустились в центральный пост. Там, среди обилия приборов, в кресле с мигающими лампочками и экранами, за пультом сидел его помощник, что-то записывая в журнал.

– Итак, вы на борту подводной лодки проекта 636 – начал старший лейтенант. – По натовской классификации «Черная дыра». И рассказал о ее технических характеристиках.

– Ясно? – обвел всех глазами, когда закончил.

– Ясно, – вразной ответили курсанты.

– Разрешите вопрос? – поднял руку Сережка Кутепов.

– Валяй.

– А почему «дыра»?

– Из-за малой шумности акустики в глубинах лодку не слышат. – Почему америкосы с англичанами сильно опасаются. Еще вопросы? Нету? Тогда все за мной.

Направились в первый отсек. Там на стеллажах зеленели хищные тела торпед и сияли алыми звездами на крышках шесть торпедных аппаратов. Офицер продолжил излагать, капитан 3 ранга добавил. Не так давно был командиром БЧ-3*на подводном ракетносце. В течение часа обошли все шесть отсеков, получив массу технической информации, опупев от обилия механизмов с приборами и понабивав шишек.

– Полный пипец, – сказал Ленка Таволжанский, когда после выхода наверх руководитель практики разрешил покурить у обреза рядом с пирсом.

– Это почему? – хмыкнул Генка Резников, затянувшись сигаретой.

– Такое вряд ли когда изучишь. Космос.

– Да, техника будь здоров, – прогудел Юрка Песин. – Похлеще, чем у нас на шахте.

– Сравнил, хрен с пальцем, – выдал Женька Вдовин. Остальные рассмеялись

После были еще два выхода в море, в последнем попали в шторм. Настоящий, шести бальный. Половина группы лежала влужку.

– На, грызи, помогает – сунул в руку Максиму черный сухарь Генка. В отличие от других он совершенно не страдал от морской болезни и, сидя на рундуке, исполнял под гитару песню

Три дня не утихая, бушует океан,

Как хрен в штанах болтается,

Кораблик с дальних стран.

В каюте класса первого,

Садко – заморский гость,

Гондоны рвет на черепе,

Впивает жопой гвоздь!

с чувством выводил слова.

– Откуда ты ее выкопал? – простонал лежавший вверху на пробковом матрасе Славка Гордеев.

– У нас в нахимовском. Старинная так сказать. И морская.

После окончания практики, загорелые и окрепшие, вернулись в Корпус. Максим вез Лике подарок. Нашел на косе через день после того шторма. Море, шурша пеной, выносило на берег водоросли, ракушки и песок. В них что-то блеснуло. Наклонившись поднял небольшой окатыш янтаря, размером в палец с застывшим внутри крылатым насекомым.

– Везунец ты Макс, – сказал всезнающий Генка. – Ценная находка.

Следующим был месяц отпуска, накануне отъезда встретился с Ликой и вручил подарок.

– Красивый, – восхитилась та, рассматривая на солнце. – Значит теперь в отпуск? (зажала в ладошке).

– Да, – кивнул бескозыркой.

– Я с отцом и мамой тоже еду на две недели в Сочи. Там военный санаторий. Слушай, Макс, завтра воскресенье. Давай сходим на дискотеку? У меня и билеты есть, – открыв сумочку показала.

– Ну не знаю, – пожал плечами. – Я того, не умею танцевать.

– Ерунда, научу. Кстати там весело и прикольно, – снова полюбовалась янтарем.

– Хорошо, – тепло улыбнулся. – Время и место?

– Девять вечера. На Кадетской линии у дома девятнадцать. Там клуб «Синатра».

Проводив Ликю до парадного, вернулся в корпус, переоделся и зашел в бытовку. Несколько ребят утюжили форменки и клеши. В том числе Резников.

– Слышь, Ген, разговор есть, – подойдя, тронул за локоть.

– Давай, – высунув кончик языка, навел тот на рукаве стрелку.

– Ты на дискотеках бывал?

– Пару раз. В Кронштадте и здесь в Питере.

– И как?

– Ничего. Но туда в основном ходит «золотая молодежь», я таких не уважаю. Так и хочется дать в морду. А что? (отставил утюг в сторону).

– Да меня Лика пригласила завтра вечером на дискотеку на Кадетской. Говорит там весело и прикольно.

– Так в чем вопрос?

– Понимаешь, я танцевать не умею.

– Ерунда. Ты ж боксер. Прыгай под музыку как на ринге. Только руками не маши. И все будет клево.

– Точно?

– Точнее не бывает.

Утром, Генка с Юркой, попрощавшись, вместе с другими убыли в отпуск. Максим же позавтракав и собрав спортивную сумку, отвез ее на вокзал. Сдал в камеру хранения, взял литературный билет на завтра до Москвы и вернулся обратно.

– Найденов, ты почему еще здесь? – удивился встретившийся на КПП* командир роты.

– Завтра уезжаю, товарищ старший лейтенант.

– Ну-ну, – сказал тот и пошел дальше.

За пятнадцать минут до назначенного времени Найденов в отутюженной форме и надранных ботинках стоял недалеко от клуба. При себе имел военный, отпускной и железнодорожный билеты, а к ним три новеньких купюры по пять тысячч.

Дискотека находилась в трехэтажном особняке прошлого века с портиком и лепниной, над входом мигала неоновым вывеска «Ночной клуб Синатра». К находящейся неподалеку стоянке то и дело подъезжали иномарки, оттуда выходила молодежь, направляясь в заведение.

Наконец появилась Лика в белой кофточке и таких же джинсах, с сумочкой в руке. Поспешил навстречу.

– Привет, – чмокнула в щеку. – Ну что, идем?

– Идем.

Вошли, предъявив билеты. Внутри, в мерцающей цветовой гамме уже гремела музыка. Залов было несколько. С европейской отделкой, сияющей барной стойкой, кожаными диванами и столиком при каждом.

– Давай вон туда, – потянула спутника за руку Лика, устроились на одном.

Рядом тут же нарисовался официант, похожий на кузнечика – что будем заказывать?

– Два «бакарди» – назвала она. Максим между тем оглядывал зал. Он был заполнен молодежью наполовину. Одни потягивали что-то из бокалов, другие дымили сигаретами, десятка полтора вихлялись в танце.

– Пожалуйста, – снял с подноса официант два высоких стакана с соломинками и, опустив на столик, поскакал дальше.

– За нас, – стукнула своим в другой Лика. Стали тянуть из соломинок.

– Это что? Вкусно, – оценил Максим.

– Коктейль. Немного рома, гренадин и лимонный сок.

Между тем зал продолжал наполняться. То и дело входили новые пары и компании, занимаемая места. Веселье набирало обороты. Как и говорил Генка, публика здесь была не простая: в дорогих импортных шмотках и раскрепощенная.

– Ну что? Давай и мы потопчемся? – задорно спросила Лика.

– Попробуем, – согласился Максим и, встав с дивана, они влились в скачущую толпу. Вокруг мелькали разгоряченные лица, колыхались задницы и груди. Слышался веселый смех. Сначала у него ничего не получалось, а потом уловил ритм.

– А говорил, не можешь, – совершила Лика оборот.

Вскоре скачки закончились, разбитной ди-джей за пультом на небольшой сцене, громко объявил в микрофон, – брейк-данс!

– У-у-у! заулюлюкала публика, хлопая в ладоши, раздалась по сторонам.

В уши ударила какофония звуков, огни на потолке замигали чаще, на свободное пространство, рисуясь, вышел парень. С волосами, заплетенными в косички, черной майке и штанах именуемых «бананы». Подскочив, ловко упал на мрамор пола, и завертелся на животе, помогая руками – девицы восторженно завизжали.

– Это что? Тоже танец? – наклонился к девушке курсант.

– Да. Причем самый модный.

Между тем умелец, продолжая вертеться и стричь ногами, подскочив, выполнил сальто назад, приземлившись на пятки.

– А-а-а! – взорвалась овациями публика, Лика с Максимом вернулись на свой диван.

– Желаете чего-либо еще? – материализовался рядом «кузнечик».

– Две порции мороженого, – заказал Максим.

Тот исчез и вскоре явился с двумя вазочками. В каждой по три разноцветных шарика и ложечки из пластика, – пожалуйста.

Ди-джей объявил новый танец, из колонок полилась тихая музыка. По залу, прижавшись друг к другу, затоптались несколько пар.

– Нравится тебе здесь? – попробовала мороженое девушка.

– Честно сказать не очень, – сделал то же Максим.

– Почему?

– Эти ребята не моего круга (кивнул на зал). У них какая-то другая жизнь.

В углу хохотала в изрядном подпитии компания, на соседнем диване какой-то малый взасос целовал девицу, а второй, закатив глаза, булькал кальяном.

– Ты заешь, я сама здесь второй раз, – потупилась Лика. – Год назад заходили сюда с ребятами из моей группы. В тот раз подобных было меньше.

В зале появилась новая компания, судя по радостным возгласам – завсегдагаи.

Первым шел в брендовом* костюме симпатичный невысокий парень, за ним под два метра амбал с золотой цепью на шее и рядом еще один. С прической «ирокез», в кожаных куртке и штанах с блестящими заклепками.

– К нам, Русик! – замахали руками сразу с двух диванов.

Молодой человек обвел глазами зал и широко открыл, заметив на одном Лику с Максимом.

– Вот так встреча! – картинно раскинув руки, подошел вместе с приятелями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.